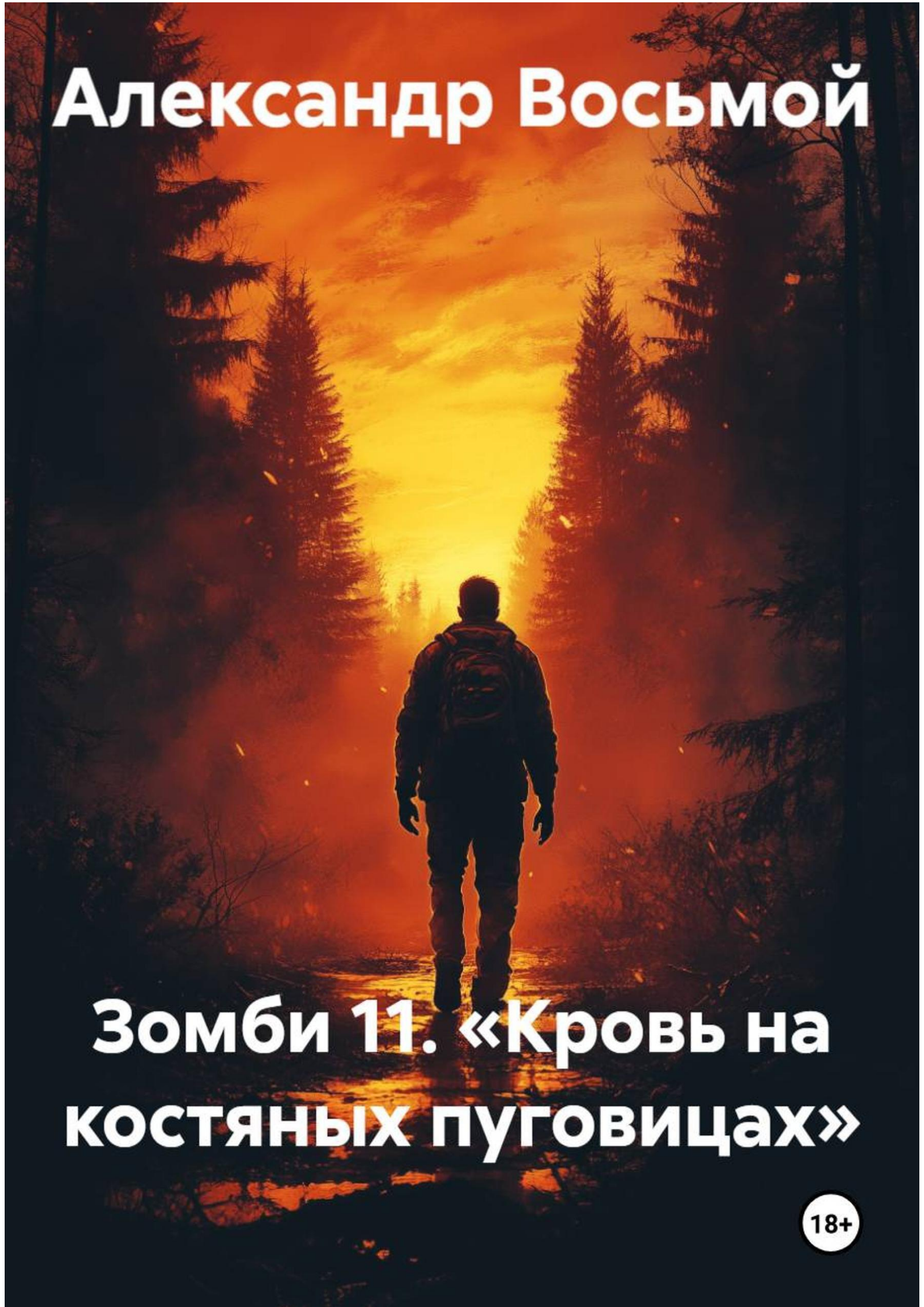

The background image is a dramatic, high-contrast photograph. It depicts a person from behind, walking away from the viewer down a narrow path in a forest. The person is wearing a dark jacket and a backpack. The path is flanked by tall, dark evergreen trees. At the end of the path, a brilliant, fiery orange and yellow light emanates from the horizon, suggesting a sunset or sunrise. The light creates a strong silhouette effect on the person and the trees, and the overall atmosphere is mysterious and intense.

Александр Восьмой

**Зомби 11. «Кровь на
костяных пуговицах»**

18+

Александр Восьмой

**Зомби 11. «Кровь на
костяных пуговицах»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Зомби 11. «Кровь на костяных пуговицах» / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Город на краю болот живёт по странным правилам: здесь не принято смотреть в глаза незнакомцам, а на каждом пороге оставляют щепотку соли. Молодая портниха находит в подвале ателье коробку с пуговицами из кости — и с первой пришитой пуговицы её пальцы начинают помнить чужие прикосновения. Постепенно она понимает, что каждая пуговица — это запертая память, а кто-то в городе намеренно собирает эти воспоминания, чтобы сшить из них новое существо. В этой книге сказка проявляется в магических ремеслах и старинных обрядах, а ужас рождается из телесной уязвимости и потери контроля над собственным телом. Сюжет держит в напряжении за счёт нарастающей паранойи и мрачных открытий о жителях города.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Зомби 11. «Кровь на костяных пуговицах»

Глава 1. Соль на пороге

Туман цеплялся за карнизы, стекал по водосточкам, будто хотел затопить город до самых чердаков. На углу Тихой улицы, где стыли тени между домами, Ульяна повесила табличку «Ателье. Пошив и починка» — буквы ещё пахли свежей краской, и от этого запах казался здесь чужим, почти дерзким.

Соседи проходили мимо, не поднимая глаз. Это было не невежество и не грубость — в городе так выживали. Смотреть в глаза незнакомцу значило рискнуть чем-то большим, чем вежливостью. Ульяна уже успела заметить: если кто-то задерживал на ней взгляд хоть на миг дольше, чем нужно, его плечи сжимались, а шаг становился торопливым, будто за ним гналась невидимая тень.

На каждом пороге белела щепотка соли. Кто-то обновлял её по утрам, кто-то — перед закатом. Ульяна не спрашивала. Она просто высыпала свою, стараясь не смотреть, как крупинки ложатся неровно, словно пытались разбежаться в стороны.

В первую ночь тишина оказалась не пустой. Сквозь тонкие стены просачивался звук — сухой, ритмичный, будто кто-то пересыпал мелкие камешки или пересчитывал что-то твёрдое и маленькое. Ульяна лежала, вцепившись пальцами в одеяло, и слушала, как этот счёт повторяется, сбивается и начинается снова. Ей казалось, что он звучит не за стеной, а прямо под половицами, будто дом сам считал что-то важное — и не хотел, чтобы она знала, сколько осталось.

Утром она спустилась в подвал. Там пахло пылью, старым сукном и чем-то ещё — терпким, животным, будто где-то рядом давно не проветривали чулан с мехами. В дальнем углу, за рулоном выцветшей парчи, стояла коробка. Дерево потемнело от времени, замки покрылись зелёной патиной. Ульяна помедлила, потом подняла крышку.

Внутри лежали пуговицы. Не простые, не фабричные — вырезанные из кости. На каждой был выточен крошечный узор: завиток, глаз, петля, похожая на узел судьбы. Они не блестели, но ловили свет так, будто хранили его внутри, как в ловушке.

Ульяна взяла одну. Холод пробрался под кожу мгновенно, но холод был не снаружи — он пришёл изнутри, будто пуговица знала, как устроены её пальцы, её вены, её страх. И в тот момент, когда она прижала костяной кружок к подушечке большого пальца, в голове вспыхнуло чужое воспоминание: шершавая ткань, запах смолы, дрожащие руки, которые торопились зашить прореху до того, как стемнеет. Это была не её память. Это была чья-то чужая спешка, чей-то чужой ужас.

Она отдернула руку, но ощущение осталось — лёгкое, липкое, как след от прикосновения, которое не стирается. Пуговица лежала на ладони, спокойная и равнодушная.

Вечером Ульяна пришила её к воротнику старого платья, которое принесли на переделку. Нитка тянулась тяжело, будто цеплялась за воздух. Когда узел был затянут, пальцы на мгновение онемели, а потом вдруг вспомнили ещё одно: чьи-то тёплые ладони, которые когда-то гладили эту же ткань, и тихий голос, шепчущий: «Не смотри. Просто не смотри».

И только тогда Ульяна поняла: пуговицы не просто хранили воспоминания — они требовали их. Каждая пришитая пуговица забирала кусочек её памяти и взамен подкидывала чужую, незнакомую, тяжёлую. И кто-то в этом городе знал, как это работает. Кто-то собирал эти воспоминания, как собирают лоскуты для чудовищного одеяла, и ждал, когда оно станет достаточно большим, чтобы накрыть весь город.

Соль на пороге больше не казалась защитой. Она была предупреждением.

Глава 2. Коробка из-под чая

Подвал дышал сыростью, будто сам был живым и тяжело вздыхал в темноте. Пыль висела в воздухе плотными клубами, и каждый шаг Ульяны поднимал её, заставляя оседать на плечах серым инеем. Среди рухляди, сваленной у дальней стены, взгляд зацепился за жестяную коробку — не нарядную, не праздничную, а самую обычную, из-под чая, какие ставят на полку и забывают через неделю. Только эта выглядела так, будто её нарочно спрятали: крышка была прикрыта куском мешковины, а сбоку кто-то нацарапал углём короткий знак — петлю с хвостиком, похожую на застывший крик.

Ульяна помедлила. В городе учили не трогать то, что лежит не на виду, не задавать вопросов о чужих метках. Но пальцы уже тянулись вперёд, словно жили отдельно от неё, будто знали, что внутри, раньше, чем она сама.

Внутри лежали двенадцать пуговиц. Кость была желтоватой, почти тёплой, будто её долго держали в чьих-то ладонях. Отверстия — неровные, будто прожжённые ногтём, а не просверленные аккуратно. На каждой — крошечный узор: завиток, петля, глаз без зрачка. Они лежали плотно, прижавшись друг к другу, как будто боялись рассыпаться.

Ульяна взяла одну. Тепло кости перетекло на кожу мгновенно, но следом пришёл чужой холод — не морозный, а липкий, как пот, выступивший от страха. Она провела пальцем по краю, и в голове вспыхнул обрывок: узкая комната, запах пыли и трав, чьи-то дрожащие руки, торопливо застёгивающие пуговицу на детской кофточке. И голос — тихий, сдавленный: «Не плачь. Просто не плачь, они услышат».

Пуговица будто прилипла к подушечке пальца. Ульяна попыталась её стряхнуть, но та держалась, как будто хотела остаться. Наконец она отпустила её обратно в коробку, но ощущение чужого прикосновения не исчезло — оно осталось на коже, въелось в неё, как грязь, которую не смыть.

На столе в ателье лежало детское платье — его принесли ещё вчера, просили подогнать по росту. Ткань была мягкой, выцветшей, пахла домом и яблоками. Ульяна взяла пуговицу снова — не потому что хотела, а потому что рука сама потянулась, будто кто-то подтолкнул её изнутри. Нитка легла тяжело, будто цеплялась за воздух. Первый стежок — и пальцы вдруг вспомнили чужой пот: липкий, холодный, проступивший на ладонях того, кто когда-то носил эту вещь. Второй — и в ушах зазвучал чужой шёпот: «Они смотрят. Не поднимай глаз». Третий — и Ульяна почувствовала, как её собственные пальцы на мгновение перестали быть её: они двигались чуть иначе, чуть резче, будто ими управлял кто-то другой.

Когда узел был затянут, она отложила иголку и посмотрела на свои руки. Они дрожали. Но не от холода и не от усталости — от чужого страха, который теперь жил под её кожей.

В подвале снова стало тихо. Но тишина теперь была другой — густой, внимательной, будто кто-то стоял за спиной и ждал, что она сделает дальше. Ульяна медленно закрыла коробку и задвинула её подальше, прикрыв старым мешком. Но знала: это не поможет. Пуговицы уже начали работать. Каждая пришитая — как шаг по тонкому льду, и треск под подошвами становился всё громче.

А город за окнами продолжал жить по своим правилам: не смотреть в глаза, держать соль на пороге, молчать о том, что видишь. И кто-то в этом городе знал, что Ульяна только что сделала первый стежок в чудовищном полотне чужих воспоминаний. И ждал следующего.

Глава 3. Чужие руки

Утро выдалось серым, будто небо забыли покрасить. Ульяна сидела у окна ателье, теребя кончик нитки, и пыталась убедить себя, что дрожь в пальцах — от холода. Но холод был не снаружи: он жил под кожей, тихий и упрямый, как чужое сердцебиение.

Пальцы помнили то, чего она не делала. Внезапно, без предупреждения, в них вспыхивали чужие движения: застёгивали тугой воротник чужого пальто, цеплялись за мокрые перила старого моста, сжимались в кулак перед ударом — резким, отчаянным, будто от него зависела

жизнь. Ульяна вздрагивала, пыталась сжать руки в кулаки, прогнать это, но воспоминания держались цепко, как колючки. Они не были её страхами — но становились её плотью.

В полдень пришла клиентка — сухощавая женщина в тёмном плаще, с лицом, будто вырезанным из тени. Она молча протянула квитанцию, забрала платье, посмотрела куда-то мимо Ульяны — не в глаза, а чуть выше, в пустоту над плечом, как делали все в этом городе. И ушла, не сказав ни слова.

Ульяна проводила её взглядом, задержалась на пороге, где ещё белела вчерашняя соль. А потом замерла. Соль была не белой. Она стала рыжей — тусклой, ржавой, будто смешанной с пылью старой крови. Ульяна присела, провела пальцем по порогу. Крупинки прилипали к коже, шершавые, тяжёлые. Пахли железом и болотом.

Она подняла глаза на улицу. Дома стояли плотно, прижавшись друг к другу, как будто пытались согреться. В одном из окон на втором этаже мелькнула тень — не человеческая, слишком угловатая, будто кто-то двигался не так, как положено живому. Или не кто-то, а что-то сшитое из чужих воспоминаний.

Вернувшись в ателье, Ульяна подошла к столу, где лежала коробка из-под чая. Двенадцать пуговиц. Одна уже пришита. Одиннадцать осталось. Она провела ладонью по крышке, но не открыла. Не потому что боялась — а потому что поняла: дело не в том, чтобы не брать. Дело в том, что пуговицы уже взяли её.

Вечером туман опустился ниже, чем обычно, и город будто исчез, растворился в серой мгле. Ульяна зажгла лампу, но свет казался слабым, будто боялся разогнать тьму. Она села за машинку, опустила педаль — и вдруг пальцы сами нашли нужную скорость, слишком ровную, слишком уверенную. Это была не её привычка. Это были чужие руки, которые знали эту работу лучше неё.

И тогда Ульяна поняла: кто-то в городе не просто собирает воспоминания — он учит их жить. Сшивает из них движения, из них — страх, из них — новые тела. И её пальцы теперь были частью этой работы. Каждый стежок, каждый узел затягивал её всё глубже в чужую историю, где не было места её собственному голосу.

Соль на пороге больше не защищала. Она отмечала тех, кто уже начал превращаться.

Глава 4. Ткачиха

Тропа за болотом не вела — она будто позволяла себя пройти, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Вода стояла неподвижно, чёрная и густая, как остывшая смола, и в ней отражались не облака, а что-то другое — тени, которые двигались чуть раньше, чем шевелился воздух. Ульяна шла, сжимая в кармане пуговицу — ту самую, первую, — словно она могла служить ключом или, наоборот, приманкой.

Дом Ткачихи стоял на сухом острове, окружённый верёвками с лоскутами, натянутыми так плотно, что они сплетались в пелену, скрывающую стены. Лоскуты шелестели, будто шептали друг другу обрывки слов. Ульяна остановилась у порога, и тут дверь распахнулась — не навстречу ей, а прочь, в сторону болота. Из дома вышла старуха с лицом, будто сотканным из морщин, и, не глядя на Ульяну, махнула рукой: «Иди. Потом поговорим».

Ульяна послушно шагнула вперёд, и только тогда старуха развернулась, вернулась в дом и лишь после этого кивнула: «Теперь можно». Так и было заведено у Ткачихи: сначала провожать, потом встречать — будто она боялась, что гость уйдёт раньше, чем успеет войти.

В комнате пахло травами, старой шерстью и чем-то едким, как перегоревшая нить. На стенах висели полотна, но это не были картины: на них были нашиты пуговицы — сотни пуговиц, разных форм и размеров, будто каждая держала на себе кусочек чьей-то жизни. Ульяна невольно коснулась своего кармана.

— Знаю, зачем пришла, — хрипло сказала Ткачиха, не поднимая глаз. Она сидела у прялки, но не пряла — просто водила пальцами по колесу, будто проверяла, дышит ли оно. — Кость помнит хозяина. Нитка помнит дорогу. Ты пришила — ты открыла. Вопрос — куда.

Ульяна сжала пальцы, чувствуя, как пуговица в кармане впивается в ладонь.

— Я не хотела... — начала она, но старуха резко подняла руку, и слова застряли в горле.

— Не надо про «не хотела». Здесь это не работает. Пуговица — это дверь. Ты её пришила — значит, повернула ключ. А кто стоит по ту сторону — уже не твоё дело выбирать.

Ульяна вспомнила чужие руки, которые вдруг брали контроль над её пальцами, чужой страх, въедавшийся под кожу.

— Кто это делает? — прошептала она. — Кто собирает эти... воспоминания?

Ткачиха наклонилась вперёд, и на мгновение её глаза стали слишком чёрными, будто в них не было зрачков.

— Тот, кто умеет шить не ткань, а время. Тот, кто знает, что память — это тоже материя. Он берёт обрывки — страх, боль, любовь, даже просто привычку застёгивать пальто — и сшивает их в новое существо. А пуговицы — его иглы.

Ульяна попятилась, но наткнулась спиной на стену, увешанную лоскутами. Один из них шевельнулся сам по себе, будто под ним что-то жило.

— Зачем? — выдохнула она.

— Чтобы создать того, кто не будет подчиняться правилам города. Того, кто сможет смотреть в глаза. Того, кто будет помнить всё — и ничего не бояться. Но цена... — Ткачиха помолчала, постукивая ногтем по деревянной раме прялки. — Цена в том, что для этого нужно стереть тех, чьи воспоминания берут. И ты, девочка, уже начала отдавать свою память. Твои пальцы помнят чужие движения — значит, твои собственные понемногу стираются.

Ульяна опустила взгляд на свои руки. Они казались чужими — слишком спокойными, слишком уверенными, будто уже привыкли к чужой воле.

— Как это остановить? — спросила она, и голос прозвучал тихо, почти безнадежно.

Ткачиха встала, подошла к полке и сняла с неё моток ниток — чёрных, жёстких, будто сплетённых из теней.

— Можно зашить дверь обратно. Но для этого нужна нить, которая помнит тишину. И смелость держать в руках то, что ты уже выпустила. Но самое главное — тебе придётся вспомнить то, что уже начало исчезать. А это самое страшное: увидеть, как из тебя уходит твоя собственная жизнь.

Она протянула Ульяне нитки.

— И ещё одно. Тот, кто всё это шьёт, не любит, когда двери пытаются закрыть. Он почувствует, если ты начнёшь работать против него. Город будет смотреть на тебя иначе. Соль на твоём пороге станет не защитой, а меткой.

Ульяна взяла нитки. Они были холодными и тяжёлыми, как обещание, которое страшно давать.

— Ты готова? — спросила Ткачиха.

Ульяна не ответила. Она просто сжала в одной руке пуговицу, в другой — нитки, и кивнула. Не потому что была готова, а потому что другого пути уже не оставалось.

За окном болото вздохнуло, и туман пополз к дому, будто хотел заглянуть внутрь и увидеть, что будет дальше.

Глава 5. Те, кто не моргает

Утро в городе было похоже на застывшую сцену: дома стояли неподвижно, туман цеплялся за карнизы, будто боялся сдвинуться с места, а воздух звенел от тишины, слишком плотной для обычного дня. Ульяна вышла из ателье, держа в руках свёрток с готовыми вещами —

их надо было отнести клиентам. Пальцы всё ещё жили своей жизнью: иногда сами сгибались в непривычном ритме, будто репетировали чужой жест.

На углу, где обычно стоял лавочник с мешками сушёной рыбы, сегодня было пусто. Зато у соседней лавки замер мужчина в поношенном пальто — тот самый, которому Ульяна подшивала рукава. Она узнала его по пуговицам: костяные, с завитком у края. Он стоял и смотрел вперёд, не на витрину, не на прохожих — просто вперёд, в одну точку. И не моргал.

Ульяна остановилась, сделала вид, что поправляет свёрток, и украдкой посмотрела на него снова. Веки не дрогнули ни разу. Даже когда порыв ветра швырнул в лицо горсть ледяной пыли, мужчина не шурялся. Его глаза стекленели на морозе, как у мертвецов, но грудь вздымалась — он дышал. Он жил. Или делал вид, что живёт.

Дальше по улице она заметила ещё одного. Потом ещё. Женщина у колодца, которая когда-то просила укоротить подол платья. Старик, которому она пришила пуговицу на воротник, потому что старая треснула. Все они двигались чуть медленнее, чем раньше, говорили чуть тише, а главное — не моргали. Их взгляды были неподвижными, будто кто-то закрепил веки невидимыми нитками.

Ульяна свернула в переулок, чтобы уйти от этой тишины, и едва не столкнулась с девочкой лет десяти. Та стояла посреди дороги, сжимала в руках потрёпанную куклу и смотрела прямо на Ульяну. Прямо в глаза — без страха, без смущения, как будто не знала городских правил. И тоже не моргала.

— Ты чего? — голос Ульяны прозвучал хрипло, будто она давно не говорила. — Иди домой, холодно.

Девочка не ответила. Только чуть наклонила голову, словно прислушивалась к чему-то, чего Ульяна не могла слышать. Потом медленно подняла руку и провела пальцем по краю своего воротника — там, где блестела костяная пуговица. Точно такая же, как в коробке из-под чая.

Ульяна попятилась. Мир вокруг вдруг стал слишком тесным, слишком внимательным. Каждый дом будто наблюдал за ней, каждый прохожий — ждал, что она сделает дальше. И все они, все, у кого на одежде были её пуговицы, теперь не моргали.

К полудню она вернулась в ателье и заперла дверь на засов. Руки дрожали, но не от холода — от понимания, которое приходило кусками, как рваные лоскуты. Пуговицы не просто хранили воспоминания. Они меняли людей. Забирали у них что-то своё и подменяли чужим — тем, что было сшито в темноте, по чужой воле. И те, кто носил эти пуговицы, постепенно переставали быть собой. Их движения становились ровнее, голоса — тише, а глаза — неподвижнее, будто из них вынимали саму жизнь, оставляя только оболочку, готовую принять новый узор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.